Дикарка

Автор:
Лика Конкевич

Дикарка

Лика Конкевич

Автобиография.Дневники, собранные в одном месте, оживают вместе с героиней романа.Места, люди, все стремительно меняется, пока внутри нее горит стремление жить… Книга содержит нецензурную брань.

Дикарка

Лика Конкевич

Иллюстратор Ольга Волкова

© Лика Конкевич, 2020

© Ольга Волкова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-8781-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог

Время пломбира и желтых одуванчиков (1974—1981)

Время первого ранца и гофрированных бантов (1981—1984)

Время сливового варенья и пионерских бойкотов (1984—1989)

Время «Ласкового мая» и белых ночей (1989—1991)

Время песочных замков и пластилина в руках (1991—1994)

Время беглянки (1994—1995)

Время дымной печки и лука зимой (1995—1998)

Время второго побега (1998—2002)

Время утраты и скорби (2002—2007)

Время каспийского ветра и ночных слез (2007—2008)

Время третьего побега (2009—2010)

Время пустых метаний в тесной комнате (2010—2013)

Время разрушения и боли одиночества (2013—2017)

Время виноградников и двух морей (2017—2020)

Эпилог

Пролог

Он приходит внезапно. Проникает сразу, в каждую клеточку моего тела. Такой громкий, резкий, влажно разливающийся и пульсирующий от сердца основательным раскаленным канатом. Целеустремленно вниз, в то самое место. В место, где появляется Жизнь.

Здесь замершее захватывается суетой; оживляется толпой разных чувств и движений; каждый занят чем-то важным, своим.

И, когда приходит он, все остальное теряет смысл. Все, что было осмысленно и важно. Все, что стояло в списке желаний. Все отступает перед ним.

Теперь он – ведущий моей жизни. Я доверяюсь ему и падаю в его нежные руки. Он знает толк в себе.

Невозмутимый.

Даже глобальный взрыв в данный момент не остановит нас. Потому что он пришел и знает, что хочет сделать со мной. И я тоже знаю, что хочу сделать с ним.

Когда его звонок откликается во мне мощной струей возбуждения по всему телу, я замираю и прислушиваюсь к себе в этот миг.

Перестаю дышать и слышу стук своего сердца. Оно такое сильное и уверенно отбивающее свой ритм. Оно ждет.

Ловлю свой взгляд в зеркале и не могу оторвать глаз от себя.

Я такая красивая сейчас. В этот самый миг, когда прозвенел его звонок. Глаза искрят, блестят, слезятся.

Капли по разогретым щекам. Я живу!

И я так счастлива, что бьется мое сердце и я слышу его. Счастлива, что слезы из глаз. Счастлива, что канат спускается вниз, в то самое место.

И я прислушиваюсь, как всё во мне ждет его. Там целый город закипает: ворота открываются, слышу звучание ключа в замке, дорога омывается свежей водой и трава шершавится, выпрямляясь в своем росте…

Я не сразу прильну к нему.

Мне нравится смотреть вот так в его глаза. Глаза, которые говорят больше, чем слова.

Расстояние между нами сокращается и максимальное сближение откликается теплой волной воздуха. Она нагревается до предела и хочется избавить себя от этой воздушной подушки.

И вот уже я чувствую кончики пальцев на своей спине. Его имя Секс. И я люблю, когда он приходит. Я научилась чувствовать его и быть с ним наедине с собой.

Просыпаясь наутро, я снова пью свежесваренный кофе на подоконнике и смотрю вдаль.

Позже, вновь побегу сквозь толпу, сквозь людей. Увижу разных мужчин.

С кем-то остановлюсь и встречусь взглядом. С кем-то обменяюсь несколькими фразами. Может быть, я всмотрюсь в его Секс через те самые глаза, когда через свой нос вдохну его запах…. и отодвинусь.

Это не тот Секс…

Сухой и теплый желтый день.

Сентябрь. Я лежу с мамой в больнице с середины августа.

На уровне кожи ощущаю страх внутри мамы. А потом помню, как с зажмуренными глазами медленно проталкиваюсь сквозь плотно облегающий меня тоннель – трубу. Моя голова левым ухом постоянно прижимается к ее стенкам. Словно я закрываю тот шум, который меня пугает. Он громкий и я чувствую опасность справа.

А потом помню, как вокруг плачут на разные голоса. Все пустое и ватнопахнущее пространство заполнено ими. Эти звуки меня приводят в тихий ужас. Лежу столбиком и боюсь пошевелиться, издать любой звук. Это первый момент, когда я испытала чувство поглощающего меня одиночества.

Так можно описать ощущение законченности процесса, сплетенного с немым вопросом:

«И что? И ради чего я преодолела такой путь? Да ладно, серьезно? Мне точно надо было попасть сюда?»

Словно я с инопланетного корабля свалилась. Желание «хочу домой» такое сильное, что я с трудом преодолеваю его…..

А потом была Мама.

За несколько первых дней я стала узнавать ее по внешнему запаху. Изнутри она пахла совсем иначе. Сейчас от нее пахнет искрящимися проводами вперемежку с тихим отчаянием и грустью. Она тоже хочет домой. Мама хочет к своим родителям. Хочет снова стать ребенком.

Спустя год после замужества мама видит реальность, которая ее окружает, и медленно разворачивается спиной к моему папе. Не может поверить, что выбранный ею муж зависимый и слабый человек, который сильно привязан к своей маме и старшей сестре.

А еще она призналась, что была разочарована материнством. И мной. Что я родилась такой. Не той дочкой, которая жила в ее голове. В ее фантазиях я была миниатюрной, ладненькой и красивой девочкой. А родилась «с длиннющими худыми руками и ногами. С огромными глазищами черного цвета. И громко орущей глоткой».

Маме мечталось назвать меня Лизаветой. Но папа оказался непреклонен и та германская кукла, в честь которой он меня назвал, еще долго находилась в моем детстве. Анжелика.

Стоит ли говорить, что материнского молока мне не перепало. Как и любви. Мама расстраивалась, что здорово пострадала, став матерью. Что пострадало ее тело, нервы и отношения.

Маленькой я чувствовала вину за то, что не оправдала маминых ожиданий. Позже я начну стесняться своего роста, длинных рук и ног, больших глаз. Стану прятать их. Меньше говорить. Много молчать. И, даже, стыдиться своего красивого имени.

2

Мне год и месяц.

Я в проштампованных застиранных ползунках на веревочках, которые завязаны на моих плечиках. Та, которая слева, сильно давит. Справа, наоборот, сваливается. Я стою в железной кроватке с прутьями и трясу ее. Слез нет. Есть жуткий страх и желание уползти домой.

Толстая и мягкая тетя в белом халате (больше похожая на сдобную булку) берет меня своими ручищами и подносит к окну. Я упираюсь робкими ножками о подоконник, а ручки прикасаются к холодному стеклу. Там, за ним, еще одно. Мне так весело становится. И интересно. Я дышу, и стекло становится белым. Такая забавная игра. И ладошкам нравится трогать холодное стекло. Эта прохлада начинает двигаться по ручкам. Приятно.

А потом мою голову зачем-то поворачивают и говорят смотреть вниз за стекло. Всматриваюсь. Реагирую на слово «мама». И вижу.

Маму, а потом бабушку. И папу. Они стоят внизу. А я отворачиваюсь от стекла и падаю вниз мертвой птичкой. Меня ловят сильные руки тети. Она плачет. А меня трясет. От страха.

Мама в это время уже снова беременна и ей скоро рожать. В нашем маленьком городке массовое заражение кишечной инфекцией. Мама рассказывала, что они все трое приходили ко мне в больницу и сидели в коридорчике, а меня приносили буквально на несколько минут.

Когда я вернулась домой, мои ножки перестали ходить и папа смотрел на меня и плакал. Он то и дело повторял:

«Что они с тобой сделали? Моя доченька умела ходить!»

Он всегда называл меня «доченька», а еще «сладкая моя»…..

Только он не думал, что это я от страха перестала ходить. Ему казалось, что это от лекарств.

С тех пор я больше не лежала в больнице……

3

Мне 5 лет.

Музыкальный зал. Полированное пианино и тетя в бархатной юбочке с кудрями в голове. Я не понимаю, что сейчас разворачивается рядом со мной. Кругом суета и много лишних движений.

Я в другом темпе. Стою. Посреди. Ножками перебираю медленно и осторожно назад, поближе к стеночке. Другие тети начинают раздавать девочкам кукол.

А я все пячусь и пячусь назад. Смотрю испуганными глазами. Все девочки уже симметрично расставлены и красиво стоят посреди этого большого зала, держа в руках искусственных принцесс. И тут меня замечает одна тетя. Хватает за фонарик моего рукавчика и тащит в первый ряд.

На мне сегодня очень красивое платье. Оно желто-лимонного цвета, отрезное по линии груди, с цветочками, вышитыми прямо там, где начинается грудная клетка. Короткие фонарики обрамляют мои худые длинные ручки. Я стою такая нескладная и прячу взгляд. И руки.

Тут же мне вручают в них….. цыпленка. Мягкого, пушистого, небольшого такого. И я смотрю на него и не понимаю, почему у всех в руках куклы, а у меня этот цыпленок. Тетя спешно говорит в воздух:

«Ну нету больше кукол, пусть с цыпленком танцует»

И у меня такое тоскливое чувство «нетакойкаквсе», что хочется снова допятиться до той стенки и не участвовать в этом. Но я участвую. Я так сильно не люблю цыпленка в этот момент, но делаю все так, как остальные девочки.

И с тех пор я не танцую……

4

Любое свободное время мы с братом проводим на улице.

Сначала осваиваем двор и очень быстро уже знаем все окрестности.
С мальчишками я играю в «Ножички». Обожаю увязаться за ними и стоять за спиной брата. После, даже кидать перочинный ножик самой.

Выходит у меня плохо, но Сережа из четвертой квартиры спокойно учит меня, как зажимать в ладони рукоятку и бросать, чтобы лезвие точно попало туда, где будет отрезан самый смачный кусок воображаемой территории.

Вспоминая сейчас эти магические звуки (особенно, как лезвие разрезает песочный круг на сегменты) у меня мурашки рассыпаются по телу. Оно всегда помнит. Всё помнит. И это ощущение окруженности мальчишками я пронесу на всю свою жизнь.

А пока мы с братом отправляемся на поиски палочек для другой игры и на тропинке одновременно видим две стальных монетки. По двадцать копеек.

– Два пломбира! – тут же с удовольствием выпаливает Женька, и мы, с хитрой по умолчанию договоренностью, мчимся в киоск за соседним бараком.

Но не успеваем пробежать и нескольких метров, как нас останавливают мальчишки постарше:

– Жених и невеста? – в лоб спрашивает один. Он живет в соседнем доме, и мы мало его знаем.

Я возмущаюсь и ноздри раздуваются, молчаливо тыча в бок брата.

– Это моя сестра, – спокойно говорит он, но пацаны не верят и начинают подтрунивать еще громче:

– Жених и Невеста, Жених и Невеста!

Я хватаю Женьку за руку и мы убегаем….

Пока стоим в очереди за пломбиром, молчим. От этого ухмыляемся, прыскаем дурацкие смешки сквозь сомкнутые губы. Отворачиваем глаза и снова воздух изнутри вырывается наружу. Предвкушение удовольствия.

Ожидание прохладного стаканчика в горячих ладошках и обязательный ритуал: выбрать деревянную палочку из бумажного конвертика.

Женька тайком берет две и хвастается, что у него больше.

А я не обижаюсь, потому что рот у меня один и сейчас он самый счастливый рот на свете. Его угощают самым вкусным пломбиром из натурального молока

и сливочного масла…..

5

В детском саду мы спим на раскладушках.

В тихий час самостоятельно вытаскиваем их из кладовки и раскладываем среди комнаты, которая только что была столовой и учебной.

Возле меня лежит Лида и кривляется. Она у нас такая рыжая коротко стриженая девочка, наполненная веснушками и курносым носом. Когда я долго смотрю в ее глаза, мне они тоже кажутся рыжими.

Сегодня она вертится. Дотрагивается маленькими пальчиками до соседской раскладушки, на которой уже спит Вова. Он всегда засыпает быстро и ему не мешает наш шум. А потом Лида снимает свою сережку – гвоздик и катает языком во рту. Давится и делает «кхе-кхе». Мы смеемся и уверены, что она дурачится. Но она подавилась.

Пока взрослые поняли, что произошло, Лида проглотила свой гвоздик. Смутно помню, что было дальше. Я заснула. Но, видимо, от увиденного мне стало страшно и проснулась я в мокрой постели.

После сончаса мы заворачиваем свои матрасы в рулетик и несем в кладовку, где уже стоит няня и принимает, укладывая по ячейкам. Они высокие, до самого потолка.

Няня берет мой рулетик и останавливается в своем движении. Мне очень стыдно. Это я сейчас понимаю, что она чувствует запах мокрой постели. А тогда мне казалось, что меня видят насквозь и умеют читать мысли.

Так всегда говорила мне моя мама. И я очень боялась ее. Но в садике меня не отругали, а помыли, переодели и отправили к остальным детям на стульчики.

Лиды не было несколько дней и я боялась ходить в садик. Мне казалось, что теперь дети будут по одному исчезать. И я ждала своей очереди.

Но Лида пришла ближе к зиме, как ни в чем не бывало. Такая же задорная и со старыми гвоздиками. Она снова села напротив меня за столом, а я не могла есть. Смотрела на ее ушки и не понимала, как сережка снова оказалась снаружи…

6

С Женькой я могла быть веселой и дурашливой.

Однажды мы плескались в одной ванне и решили показать друг другу письки. Мама зашла ровно в тот момент, когда я расставила ноги по краям (как балерина в оперном театре), а брат сосредоточенно смотрел. Влетело нам обоим. Помню, как уже сижу на бабушкиной кровати (завернутая в мохнатое полотенце) и не понимаю, что страшного мы натворили и от чего сейчас в квартире нависла тишина. Мама рядом гладит белье. Она очень любит утюжить и запах теплой чистоты.

Постельное белье так ласково и бережно сворачивает, обнимая утюгом с двух сторон, что мне в такие моменты хочется превратиться в эти тряпки, которые так нежно гладят ее пальцы. Но нас с братом она так не обнимала почти никогда.

В этот момент я замечаю, что уставилась в одну точку, где мамины руки складывают пододеяльник и тут слышу смех брата. Я смотрю на него исподлобья (прямо в наглую ухмылку), готовая запустить невидимыми искрами. Но, вместо этого, у меня изо рта вылетает так звонко, прорывая тишину:

«Пи-да-рас!!!»

Утюг грохается об пол.

Мама в ужасе роняет гладильную доску. И тут мои губы разбиваются об ее пальцы.

Белью повезло больше, а я чувствую вкус железных прутьев нынешней зимой. От них мои губы отрывали вместе с кровью воспитатели в садике, когда мы гуляли на прогулке. Они еще не зажили до конца. Я перед сном любила заботиться о них, нежно облизывая ранки. А теперь придется делать это снова. Жаль….

Этот липучий случай меня ничему не научил и я продолжала испытывать терпение своей матери.

Однажды я вылила себе на волосы прямо из папиного флакона одеколон. Глаза щиплет, я ору. И мама орет. Я от боли, а мама от страха и растерянности.

А вот с братом экспериментируем. Достали из серванта стопку с семенами красного жгучего перца. Брат сидит не шелохнувшись, а я перебираю пальчиками, а потом тру глаза. Ору. И мама снова орет. Я опять от боли, а она от ужаса.

Летом накануне сентября я прибежала счастливая, нажравшись гудрона прямо из строительной бочки, с предательскими следами от него на новом платьице. Мама орет. Я молчу. И не понимаю, почему, ведь эта черная жвачка такая вкусная.

7

Очередным осенним сухим днем, вскоре после своего шестого дня рождения, я решаю, что такая мама мне больше не подходит. Договариваюсь в группе с одной девочкой, а вечером вприпрыжку топаю к ним домой.

Тетя Лена оказывается бдительной и на полпути выясняет, кто я и зачем иду с ними. Я без тени смущения говорю:

«Буду жить у вас, потому что вы добрая мама, а моя – злая».

Так я оказалась снова дома. И наша жизнь впятером потянулась стабильной для меня чередой разных событий.

С рождения я сплю с бабушкой. Жизнь в бараке: это единственная комната с двумя кроватями (одна для мамы с папой и, через коврик, наша с бабушкой). Панцирная сетка полуторки и ежедневная возможность раздавить меня толстой бабушкиной рыхлой тушкой ночью. И в маленькой кроватке братик.

Но даже переезд в двушку не отменил однопостельных ночевок. Мама с папой перебрались в одну комнату, а я обосновалась в спальне, с бабушкой и младшим братом.

По вечерам смотрю, как бабушка расстилает кровать, прыгаю рыбкой к ней под бок, и она начинает рассказывать свои сказки. Таких сказок я больше не слышала нигде. Они были такими длинными, что я не успевала дослушать до конца и ждала вечера, чтобы услышать продолжение. Только бабушка не знала на каком месте я засыпаю и начинала сказку заново.

Днем во дворе я активная заводила и двигатель идей.

Сцены с нашими концертными выступлениями регулярно располагаются под окнами дома; приюты для животных под окнами милиции; собирание выброшенных на больничную помойку капельниц и плетение чертиков из них; просмотр диафильмов всем двором на втором этаже большого и уютного подъезда; перепрыгивание через вырытые ямы, заполненные искореженными трубами и водой.

Ребенком я ловлю то, что в воздухе. Полной грудью и открытым сердцем.

Помню ощущение своей руки в большой папиной ладошке. Она теплая, в местах даже горячая. Мягкая и плавная. Когда мы с ним идем, перед моими глазами танцуют наши руки. В них столько чувства. И мне хорошо.

Мамина ладошка другая. Она колет меня и тянет вперед. Резковатая и часто болезненная. Когда она перестает дергать, мне хочется задержаться и почувствовать за холодом тепло. Но мама отрывает свою руку и моя зависает в мерзлом одиночестве. Больно…

8

Я мечтаю о куклах.

У моей подружки Нади из третьей квартиры (она в аккурат под нашей седьмой) целых два пупсика. Мы выходим в подъезд и играем в домик. Устраиваем из маминых платков и пледов шалашик.

Это уютное волшебное местечко под лестницей, ведущей на чердак. Мы приступаем к созданию уюта в нашем домике. Мягкие постельки из носовых платочков и набитых ватой детских носок. Шкафчик с одеждой для пупсиков.

Подружка вручает мне играть всегда вторым пупсиком. Я рада и ему, хотя всегда мечтаю о первом. У него шевелятся и ручки и ножки. Можно одевать штанишки и усаживать его. А тот, что достается мне, со слитными ножками (как у русалочки). И смотрит на меня нарисованными маленькими глазками.

Я оживляю их и успокаиваю своего пупса. Говорю о том, как скоро вырастут его ножки, и он сможет ходить ими. Как сошью для него брючки, и он будет самым красивым мальчиком на земле.

Честно, до сих пор не понимаю, какой весомой должна быть причина, чтобы не купить мне, маленькой девочке, такого пупса за девяносто копеек? Это же бидон молока, буханка хлеба и три булочки с ванилью. Дело было не в деньгах..

1

Помню свое ощущение долговязости и худобы.

У меня такие в унисон моим ногам белые гольфы. Мне они не нравятся. За нескончаемость. И за то, что они похожи на женские чулки. Такие уродливые женские чулки (кстати, я ведь и никогда не смотрела в сторону чулок, когда выросла).

Как мама этого не видела, когда покупала?

Я их натягиваю на все коленки. В сочетании с короткой школьной формой и фартуком это смотрится отвратительно. Эти гольфы появились в моем детском гардеробе еще в садике. Я тогда уже их не любила. За то, что они не как все другие гольфы девочек.

Я была одна такая. Для моего сознания было понятно, когда гольфы доходят до той части ноги, где начинается коленная чашечка. И эту «мордочку» они уже не прикрывают. А здесь ощущение, что мастер решил довязать до колготок, но ниток не хватило. И вот получились такие «перегольфы» и «недоколготки».

Позже, когда я выросла из всех детских колготочных размеров, мама покупала самый большой размер в «Детском мире», обрезала следочки и распускала ряды так, что колготки увеличивались, обретая красивый раскат прозрачных дорожек вдоль ноги. Я очень гордилась такими ажурными ножками.

Это было в двенадцать моих лет. Помню, что подружки приходили к нам домой со своими купленными колготками и просили маму научить делать так же.

Отращивать волосы и собирать их в косички я стану в начальных классах школы. Заплетаю их сама, неумело, кривыми проборами, а потом иду в школу. Причем с таким достоинством, словно у меня не банты на голове, а принцессная корона. Позже, классе в шестом, у меня уже выходят складные прически из косичек, переплетенные красивыми бантами.

Мама заботилась об этом. Бантов у меня много. До сих пор вспоминая, мои кончики пальцев тут же откликаются и выдают в мозг фактуру их ткани, глаза

видят цвет, а до моего носа доходят их запахи. Каждого отдельно.

Вот белые парадные. Гофрированные и широкие банты. В них Сашка, который сидел за мной на уроках, вкладывал свернутые трубочкой бумажки с записочками, когда я плакала на уроке. Он пытался отвлечь и рассмешить меня таким способом. В записках было всегда написано:

«Опять суп хлебаешь».

Я открыто злилась на него, хотя внутри было сладкое успокоение. Ему удавалось это. Уже будучи взрослой, я узнала, что он стал геем. Я помню тот день и мне было очень жаль. Из всех мальчишек в классе он выглядел мужественно. Его складная фигура, широкие плечи, высокий рост и зоркий карий взгляд не оставляли меня равнодушной даже после выпускного.

А еще мы с братом привыкли быть дома без родителей. Папа часто находился в больнице (у него было слабое сердце), а мама так же часто уезжала к своим родным на Урал.

Поэтому я оставалась с бабушкой, а брат проводил много времени на улице с друзьями.

И сейчас каждый из нас переживает периоды одиночества так же: я остаюсь дома одна и вспоминаю прошлое под советские черно-белые фильмы, а брат уходит из дома к друзьям.

2

Бабушка учит меня молитвам и я знаю их наизусть, особенно свою любимую:

«Дева Мария где спала почевала. В святе в граде в городе Иерусалиме с архангелом на престоле…»

Я, уже третьеклассница, укладываюсь под теплый старый бок своей бабушки и мы вместе начинаем тихонько заводить молитву. В этот момент заходит мама и говорит быстро, обрывисто:

«Тебя завтра в пионеры принимают. Как не стыдно!»

И тут же уходит. Такой у нее метод воспитания. Как успеть получить свою дозу внимания, не нарвавшись на критику, мне до сих пор остается непонятным.

Зато есть бабушка и я сейчас понимаю, как мало для счастья нужно ребенку.

Лично мне было достаточно присутствия бабушки рядом. Она со мной постоянно. Когда я родилась, ей исполнилось шестьдесят восемь. И мне она запомнилась своим тихим участием в жизни нашей семьи.

Она любила ходить в гости к своим дочерям и сыну (это мои тети и дяди). И брала меня с собой. Мы ночевали и проводили время в разных домах у близких.

В моей памяти осталось чувство тоскливого одиночества с отрывом от семьи, но ощущением присутствия другого теплого рядом.

Я любила рассматривать хрусталь в стенке у крестной, мне разрешали открывать стеклянные дверцы. Я перебирала пальчиками грани, закрывая глаза и щурилась от удовольствия. Хрусталь был прохладный, гладкий и совсем мертвый, но он становился податливым от моего дыхания и оживал. После я прислоняла его к щеке и представляла, что это руки мамы.

У бабушки была еще одна, бездетная, но замужняя дочка.

Моя тетя. Они жили в тесной однокомнатной хрущевке, в которой пахло чесноком и пересоленной едой. Окна были укутаны бархатными горчичными шторами с помпезной каймой. Посреди комнаты стоял круглый стол, покрытый скатертью и, застеленный старыми газетами. Для семечек. Тетя Зоя жарила целую сковороду семечек и все усаживались их грызть. Часто вместе с нами там оказывались еще две ее сестры: моя крестная Валя и их старшая Мария Александровна.

На самом деле, я присутствовала при уникальных событиях: мать с тремя дочерьми вместе проводят по много часов за круглым столом. В это время я сижу на диванчике отдельно от них и играю с единственной в квартире игрушкой. Куклой-пупсом.

Она необычна тем, что выглядит как мишка в мохнатом желтом комбинезоне, в капюшоне, но с лицом ребенка. Ручки и ножки у нее шевелятся. Для меня это очень важно. Я кручу ими, пока бабушка с тетями грызут семечки и разговаривают.

А еще они нюхают специальный табак, смешивая его с ментоловыми каплями из коричневого пузырька и чихают так, что посуда в серванте подпрыгивает и звонко отдает эхом.

У каждой ситцевые носовые платочки, в которые они сморкаются. Только крестная не участвует в этом. Ворчит на них еще больше от того, что я все это вижу.

3

Первые три года школы я мало помню. Но есть моменты, сохраненные в моей памяти.

Например, у нас была очень красивая учительница. Ирина Александровна. Ароматный шлейф от ее движения. Строгий, но женский костюм. Бурая помада на пухлых губах. Глаза у нее близко посажены и глубоко утоплены, совсем небольшие. Когда смотришь на нее, создается ощущение, что лицо рядом, а человек далеко. Она теплая и спокойная. И молодая.

Еще помню, как меня усадили за одну парту с Вовой. Этот мальчик понравился мне сразу. Он адекватный и не обижает девочек.

Мне нравится смотреть на него. Он такой основательный и всего в нем много: больших глаз, носа, губ, рук и ладошек.

Как-то он пропал на несколько дней и мне сразу почувствовался холод от нашей общей парты. Я стала прослушивать учителя и меня возвращали обратно голоса одноклассников на переменах. На уроках я смотрела в угол парты, где остались Вовины учебники.

И еще я помню день, когда он вернулся. Такой повзрослевший, еще более серьезный, в новом свитере грубой вязки. Свитер очень красивый. Но мне хотелось подойти к учителю с просьбой пересадить меня.

Только я так и не осмелилась. Причина была серьезной: Вова вернулся дурно пахнущим. Не могла поверить, что это от него. Но специфический запах появился вместе с Вовой. И мне от этого стало очень грустно. Словно что-то теплое ушло и на это место вернулось то, что мне вовсе не подходило.

Только потом, спустя несколько лет, я узнала этот запах и поняла, почему так пах Вова. Свитер, овечья шерсть, сальные нити и устойчивый, бьющий сразу в легкие, аромат деревни.

Деревни, которую очень скоро я полюблю всем сердцем и на всю свою оставшуюся жизнь.

4

А потом я заболела.

Зимой мы поссорились с сестрой из-за коньков. Белых, фигурных. Их добыли каким-то чудом в дефицитное советское время родители. На две семьи (наши папы были родными братьями). Условились кататься по очереди.

И вот я уже плетусь вслед сестре и прошу снять коньки, чтобы покататься. Наступило мое время. Такой устойчивый аромат несправедливости чувствую в это мгновение в воздухе. А она разворачивается и бьет своей ногой в мою левую. Прямо металлическими зубчиками для торможения в мою кость. Рёву было из меня…

Света испугалась, сбросила коньки и умчалась домой. А я помню, как тащусь в уже надетых коньках по дороге и слышу сигнал грузовой машины прямо за мной. Я дёру, а она в сторону. Я в сугроб, а машина дальше. Упала лицом в снег. Лежу и чувствую, что нога перестала ныть. А руку ломит…

В этот день я встретилась со своим первым в жизни обмороком. Так оказалась изолирована от школы с гипсом на правой руке. Но, видимо, мне было совсем тоскливо дома и я попросилась обратно в класс.

Сама пришла на уроки и попросила Ирину Александровну разрешения быть со всеми. В эти недели я приходила в домашнем вязаном платьице с мохнатыми помпончиками на груди и черных валенках. Сидела за последней партой и слушала такие теплые звуки класса вперемежку с голосом учительницы. Светло и спокойно.

До сих пор, когда слышу щелканье люминесцентных ламп на высоких общественных потолках, меня сразу уносит за мою третьеклассную парту. И я чувствую только мне уловимые ароматы принадлежности к группе. Вдыхаю с особым наслаждением и трепетом в груди.

5

Накануне четвертого класса мама поручила нам купить фломастеры. В то время это был большой дефицит.

Заграничные цветные мокрые карандаши продаются только сегодня в «Детском мире» на другом конце города.

С нами увязался Сережа, наш сосед и друг Жени. Мы благополучно добрались на рейсовом автобусе до места. Пацаны увидели в доме напротив вход с игровыми автоматами и у них загорелось все. Брат (каким-то образом) уговорил меня:

– Лика, ну ты пойми! Так у нас будет всего одна пачка фломастеров, а так две. У каждого своя!

Он знал чем меня взять. Я почти сдалась, но мое лицо пока не соглашалось. Стояла, поджав губы и, смотря на него взрослым упреком /я видела, как это делает наша мама/:

– А, если?…

Но он не дает мне договорить и приводит новый аргумент. В итоге, наши общие деньги перетекают в его ладошку и он шумно вбегает в открытую дверь игрового зала.

Я остаюсь снаружи и терпеливо жду на лавочке рядом. Не знаю, сколько времени проходит. Мне нравится мое одиночество и я быстро нахожу применение свободному времени.

Рассматриваю птичек на ветках, мелкие цветочки в траве.

Прямо сейчас мне увиделся рисунок на асфальте и я иду его разглядывать. Приседаю на корточки и мне становится мало одних глаз, чтобы любоваться картиной неизвестного художника.

Подключаю пальцы.

Очень осторожно, словно могу стереть штрихи на асфальте, дотрагиваюсь еле слышно подушечками своих пальчиков. Мне так хорошо в этот момент. Чувствую шероховатости и неровности. Именно пальцами слышно, как чуть выше выходит дорожка синего мелка. Закрываю глаза от удовольствия и щебет птичек дополняет мой восторг.

И надо было в эту самую блаженную секунду разорвать гармонию звучания резким шарканьем раздражающего шага. Я открываю глаза и прямо передо мной пара ботинок. Детских, растоптанных, пыльных ботинок. Тут же до меня доходит, что эти ботинки из нашего коридора. Брат… Он еще не успевает ничего сказать, как и я еще не успеваю посмотреть на него, но все становится понятным.

Денег больше нет.

Медленно приподнимаюсь с колен, машинально стряхивая прилипшие еловые иголки. Встаю близко напротив него и смотрю. В лицо. В упор. Как могу. Он опускает голову еще ниже. Сережа даже не приближается к нам. Стоит в стороне, словно не знает нас.

В моей детской голове закручиваются вихрем мысли. Становится очень страшно. Я здорово наперед боюсь маминого гнева. Он обязательно спустится на меня. Именно я была в ответе за эту сумму и купленные фломастеры. Еще чувствую, что очень сильно злюсь на брата сейчас. А потом на себя.

Глупая, самая глупая и наивная девчонка на свете. Как верить этим безответственным существам-мальчишкам, когда у них в мозгах одни игрушки? Параллельно с этими мыслями врывается еще одна. Стремительная и убивающая все предыдущие: надо украсть эту коробку фломастеров.

Дальше мои ноги и тело работают совершенно отдельно от мозга. Мой внутренний голос так боится и кричит внутри. Он не пускает в помещение «Детского мира». Но я упорно иду. Встаю в длинную очередь. Мальчишки остаются ждать меня снаружи у входа. Очередь, как назло, двигается так медленно. А моя совесть почти сожрала весь мой детский мозг за это мучительное ожидание. Но я упорно стою и медленно двигаюсь за тетей впереди меня.

У прилавка рядом с кассой замаячили коробки с заветными фломастерами. В висках застучало так сильно, что кружится голова и я начинаю зевать. Мои уши закладывает и вакуум, который я буду чувствовать на протяжении всей жизни в такие моменты, когда мозг даст команду «Не присутствовать», распространяется по всей ушной раковине.

Я не могу дышать и воздух задерживаю внутри себя, жадничая отдавать обратно. Вот мокрые карандаши в моих руках. Я держу их. Застучало еще сильнее. Начали дрожать ноги. Пальцы на руках покрываются противной испариной. Пытаюсь вчитаться:

«Чехословакия. 1984 год выпуска. 16 цветов»

Цветные колпачки и белые «брюшки», на которых написаны пока неизвестные мне буквы и цифры «семь-восемь-семь-ноль».

Они стоят у меня перед глазами и сегодня. А тогда я была в моменте от побега с горящей от стыда коробкой. Меня возвращает в реальность женский голос, стоящий прямо за мной:

– Девочка, ты будешь брать фломастеры или нет?

Я возвращаюсь в реальность. Взглядываю назад, потом на кассу и понимаю, что подошла моя очередь. Молниеносно бросаю карандаши обратно на прилавок и вылетаю из магазина…

В этот день я переживу такое сильное чувство стыда перед мамой, перед братом и его другом, и перед очередью в магазине, что даже сейчас закладывает уши.

А дома я возьму мамин гнев на себя и скажу, что деньги я потеряла.

1

В сентябре четвертого класса к нам пришли две новеньких девочки. Надя и Наташа.

Я загадала, что подружусь с Надей /мне заранее нравилось имя/. Помню как подошла на крыльце школы к ней, белокурой, в толстых линзах, голубоглазой девочке, и назвала ее по имени. Но услышала голос позади себя:

«Надя – это я».

Обернувшись, мне представилась нелепая картинка: долговязое, в тесной форме, конопатое стриженое, с рыжеватым отливом, создание. Первое мгновение казалось, что это розыгрыш и мальчика переодели в девочку, чтобы позабавиться. Но тут не до забав. Девочка Надя всмотрелась в меня круглыми зелеными глазами и тем еще больше стала похожа на олененка. Отступать

некуда.

У моей подруги оказалась совсем печальная история.

Их с братом увезли из Башкирии от любимой бабушки. Надю совсем не привлекала перспектива жить здесь, на одной территории с мамой Клавой. Позже я узнаю, что их семья обосновалась в комнате барака рядом со школой. В ней шумно и дымно, а еще пьяно. У меня ощущение, что круглосуточный режим веселья включен именно здесь, в этой женщине. Мне так жаль подругу. Я не могу выдерживать в такой обстановке нескольких минут и сбегаю на воздух, а ей приходится там жить.

Мужчины меняются в мамКлавиной жизни со скоростью звука, и между ними она особенно жестока к Наде.

Избитая шлангом от стиральной машинки, она приползает ко мне. Вырвавшаяся из пьяных рук очередного «папы», с очередным засосом на детской шее, она снова спасается у меня. С утра субботы до вечера воскресенья Надя моет, стирает и убирает в родительском бараке. Я жалею ее и часто зову к себе отдыхать, кушать и просто поспать. Позже она у меня и ночует, вздрагивая от случайных звуков и надвигающихся сумерек…

2

Из длинной нескладной худой девочки я превращаюсь в гибкую воздушную гимнастку. Томатный сок после тренировок. С обязательной песочной турбинкой. Тайком от тренера (в кафешке за стеной нашего спортивного зала). И его по-отцовски приятное «айяйяй», когда заходит в кафе разоблачить нас. И еще от него же:

«Ну-ка быстро возвращаемся в зал: двадцать кругов и домой!»

С цирковой студией у меня связаны воспоминания про детдомовских девчонок. И их воровство моей первой косметички для выступлений: духи, помады, тушь,

бижутерия.

Рауфан Гайфулович (тренер) вернул. И я счастлива так, что слезы благодарности стоят в моих глазах. И он не сдерживается, обнимает своей резкой, неприспособленной к нежностям рукой /сгребая меня в охапку/, и говорит:

«Ну, ты… это… красоту-то не таскай с собой. И так красивая!»

А еще помню, как «играли» в смерть в раздевалке и давили на грудную клетку, зажимая сонную артерию. Я смотрела, но не участвовала. Так было страшно.

3

С этих лет много внимания я получаю со стороны мальчишек. Вот у школы парнишка дорогу преградил:

«А ты откуда такая красивая?» Но, вместо улыбки, я смотрю ему пристально в лицо с презренным: «Дурак!» и ухожу с гордо поднятой головой.

А вот в подъезде мальчик прижимает к стенке, а я бросаю: «Да на фиг ты мне нужен!», отталкиваю его и забегаю в квартиру.

А однажды меня отправили за хлебом в магазин. Было уже темно, зима. За мной след в след дышит пацан (мужик) и сразу в подъезде начинает лапать, нападая со спины. Я замираю и тут же смело выдаю: «Пи-да-рас!» / привет детству/.

Он теряется, ослабляет хватку и я мчусь на свой второй этаж.

Да, меня окружают мальчишки. А потом вокруг все знакомые девочки начинают собираться с мальчиками в пары. А мне совсем не хочется. Мне нравится быть единственной среди моего мальчикового окружения.

В это время незаметно я окружила себя «вахтерами». Так их назвала моя мама, когда поняла, что с завидной регулярностью толпа мальчишек приходит дежурить в наш подъезд у моей квартиры, когда же я выйду к ним.

И я выходила. Со стулом в руках.

Располагалась напротив. Усаживалась, и мы начинали многочасовые разговоры о разном. Я тогда не понимала, что они здесь делают и для какой цели приходят. Не могла поверить, что вся эта многочисленная ватага мальчишек пришла именно ко мне. Что я единственная девочка в этой подростковой компании.

Это сейчас я понимаю. В то время была затворницей и не тусовалась во дворах так же активно, как остальные девчата с района. Потому мальчишки приходили сами. Ко мне. Если бы тогда я это понимала, то никаких встреч не было бы и в помине. Наверное…

Но они были.

Вспоминая сейчас, понимаю, что это были разные компании парней. Мои одноклассники и их друзья, с которыми я знакомилась только в своем подъезде, когда они приходили на «вахту».

Еще были парни на пять лет старше меня. Из компании моей подруги Нади. Зачем они приходили ко мне и без нее, тогда не задумывалась. Сейчас, понимаю, ко мне. Я им была интересна.

Но внутри меня начинает разворачиваться первая любовь. К Вадиму (мальчику с далекого севера). Конечно, настоящего его не было в моей реальной живой жизни. Только образ. С ним я общаюсь. О нем плачу. Его хочу видеть. К нему эти первые девчачьи строки, наполненные болью страданий. Они смешаны с пафосом бульварных романов:

«Я не хочу ни с кем дружить, кроме тебя. Ты единственный в моей жизни. Любовь моя»

Я пишу ему письма. И оставляю в своем столе. У меня по нарастающей возникают чувства. Я мечусь в поиске и ожидании.

Не выдерживаю своих душевных мук и делюсь своим состоянием трагичной влюбленности с друзьями. Костя и Надя (мои одноклассники) добывают для меня адрес Вадима.

Параллельно с виртуальной любовью мою реальную жизнь продолжает поддерживать цирковая студия. Мы выступаем с труппой перед училищем, где зрители – одни парни. После выступления они ждут, чтобы проводить нас до дома. Я отказываюсь и сбегаю.

Активно надоедаю почтальонам со своим нытьем про письма. А письма все нет….

Наступил новый год, а я так и не получила ответ от Вадима и проревела весь праздник.

В «Горняке» познакомилась с ребятами из брейк-клуба. Андрей закончил школу и предложил дружбу. Он очень хороший парень. Всегда говорил, что я самая красивая девочка в цирковом. Несколько раз пытался поцеловать меня, когда провожал. Но я разрешаю себя провожать и общаться, потому что Вадик не пишет. Злюсь на него. И вынашиваю мысли, что «найду себе парня лучше и буду чувствовать себя счастливой, а не нервной страдалицей, живущей в ожидании….»

Я интересна мальчикам, хотя сама считаю себя скромным человеком, который не умеет дружить. Поэтому принимаю решение быть в центре внимания мальчишек как существо без пола и возраста, зато умное и таинственное не по годам.

4

Когда мне исполнилось тринадцать, в спальне появилась раскладушка, на которую переложили брата, а меня на его кровать. Отделили от бабушки. Это стало трагедией для меня. Вспоминаю себя в то время потерянной и совсем одинокой. С отлучением от бабушки из меня ушел целый мир.

Мир сказок каждый вечер.

Тепло поглаживаний по спинке перед сном. Укатывание в мягкую ямку, которая появлялась всякий раз, как бабушка ложилась на кровать. Утреннее пробуждение всего на несколько минут раньше бабушки. Замирание дыхания и глаз на своде потолка, чтобы наблюдать за тенью, которая рисует очередной сюжет.

Я сразу стала очень сильно нуждаться в Друге. Эмоционально дома становится страшно, скучно, и, даже, ужасно. Откуда-то в моей голове созревает вывод, что выходить на улицу можно только, когда дружишь с мальчиком. И у меня образовался замкнутый круг.

При этом мне везет на романтичную дружбу с мальчишками. Во дворе я остаюсь строптивой и уверенной девчонкой. Вспоминая самые модные слова того времени, я сейчас молча улыбаюсь и думаю, как мы их могли придумать?

«Девки, четко, долблюсь, кончила, откололась, стрем, спецуганы, прикопался, ухажер, подлец, женишок, балдёжный, чувак, шмакодявка, похабное настроение, мазёвый характер, со мной потише».

Самая нелепая история произошла, когда мне передали, что я нравлюсь одному мальчику, который только переехал в соседний дом. Мы с подружкой притащились на спортивную площадку у нашей школы. Было лето и я только приехала из пионерского лагеря.

Мы уселись на железные прутья баскетбольной «козы» и болтали о разном. Много смеялись и в этот момент из-за Надиной спины вижу темные силуэты. К своей близорукости я уже привыкла и могла прочитать образы мальчишек. Обдало свежей кукурузой и пережжеными пульками от пистонов. Мальчишки…

Я понимала, что сейчас произойдет то самое: знакомство. Один подходит ближе и говорит, смотря мне прямо в глаза:

«Привет, я Семен!» и улыбается. А меня парализует. Стою как высохшее дерево, убитое, но не сломленное. И тут из моего рта (где-то далеким слуху) выпрыгивают мои собственные, произнесенные резко, слова: «Ну и что? Теперь ссать в потолок и кричать «фонтан?!!»

Зависает гнетущая пауза. Надька прыскает смешком первой. Я стою в кипящем гневе красная как переспелая малина. Двое разворачиваются и уходят прочь в молчаливом шаге.

И тут рассеивается воздух, картинка становится более ясной и я слышу звонкий голос Надьки: «Ну ты и дура, Маккина»…

5

Я сижу на обратной стороне неровного деревянного подоконника и смотрю внутрь комнаты.

Там подружка включает пластинку из фильма «Мэри Поппинс, до свидания».

Я отворачиваю голову, закрывая на ходу глаза.

Да, я снаружи забралась в ее распахнутое до предела окно первого этажа. Жара. Старая краска шершавит мои пальцы и я тяну нос по воздуху вверх.

Выше и выше. Оттуда доносятся ароматы липкой молодой зелени тополя вперемежку с сиреневым кустом чуть поодаль.

Делаю глубокий вдох и за этим слоем уже движется следующий, мужской. Одеколон «Тет-а-тет» в сочетании с папиросным дымом «Беламорканала». Он не отталкивает. Наоборот, добавляет в природную чистоту немного здоровой мужской агрессии.

Дышу.

Вдох. Глубже. Волна ударяет прямо в грудь и проваливается по свободной трубе внутрь, до самого пупка.

Это свежесть.

Чистый лен, белый и обнятый утюгом. Совсем недавно. И ниточки тонкого полотна идут параллельно друг другу и связываются ровным шагом своей хозяйки. Да, я уверена в том, что обладательница этого льняного костюма женщина. Я очень рано научилась читать энергетику.

Не знаю, кто она. Мои глаза по-прежнему закрыты и я продолжаю чувствовать мир носом. И кожей.

Улыбаюсь. Такое общение с миром для меня очень теплое и приятное. Искреннее и близкое.

Об этом не знает никто.

Раньше мне казалось, что так видят мир все. Когда поняла, что иначе, мне не пришло мысли поделиться своим открытием.

Еще один глубокий вдох и становится тесно в своих летних «лодочках». Я скидываю их и прислоняюсь освободившимися горячими ступнями к еще пока прохладному бетону. Стена.

Пальцы продолжают возиться с многочисленными гривами вздернувшейся краски на раме. Ноги благодарно принимают мой порыв освободить их из обувного плена.

…До меня доносится «но откладывать жизнь никак нельзя….но знай, что где-то там кто-то ищет тебя среди дождя…»

Подружка подпевает и вместе с ее голосом я слышу монотонное «кхх… кххххх». Рисует…

И я снова улыбаюсь.

Болтаю ногами, которые уже на низком старте и готовы к побегу.

Всего в нескольких метрах мой нос чует бархатную поверхность сладких солнечных шляпок и спешит туда.

Я спрыгиваю с подоконника, открывая глаза и бегу, босиком, через свежую траву, к кусту акации. Там аппетитными ровными рядами флейт висят стручки.

Я прикасаюсь к ним подушечками пальцев, чтобы уловить тот миг, когда они устремятся ко мне. Снова наощупь выбираю самый упругий и спелый плод. Аккуратно, останавливая время, тонким ногтем проникаю внутрь и провожу чуть заметно вдоль… «вжих» и мягким пальцем освобождаю стручок от горошин.

Теперь нужно чуть откусить, медленно и бережно, с обоих концов. Свистеть на стручке акации, что может быть прекраснее в это жаркое подростковое утро?

6

Это трагичное событие в моей жизни.

После неожиданного увольнения тренера нам в наставницы поставили одну из наших же участниц труппы. Это восемнадцатилетняя девчонка, которая издевается над нами. Мы уходим с моей подругой. Стали бегать по утрам по несколько кварталов перед тем, как пойти в школу на занятия. Я растолстела и при росте 162 см вешу пятьдесят кг.

Очень сложный период моей подростковой жизни начинается дальше. Параллельно разворачиваю момент ожидания писем от Вадима с одновременным участием в моей жизни мальчишек.

Однажды на пробежке мы с подругой пробегали мимо телефонной будки и я забежала в нее, дурачась. И увидела пять цифр. Пальцы сами потянулись к трубке, нарыли в кармане двухкопеечную монетку и набрали номер. Женский сонный голос ответил мне «Алло» и я тут же спросила Костю (так было написано под цифрами).

Мне сказали, что Костя еще спит, а я пшикнула от удовольствия и собственной наглости, и положила трубку. Мы побежали дальше, но на следующее утро я снова проделала то же самое.

В этот раз женский голос позвал Костю. Мы познакомились. Оказались из одной школы, только он на два года старше меня.

Он был прост и сразу сказал об этом, а я не раскололась в своем возрасте (мне на тот момент тринадцать) и продолжала названивать ему во время пробежки каждое утро.

Оставалась таинственной незнакомкой из его школы. Меня это очень забавляло. Я высчитала его. Смотрела за ним. Как он двигается, как общается с ребятами из своего класса.

Честно, на сегодня даже не вспомню, чем закончилась эта история.

7

Помню одну зиму.

Дверь в цирковую студию я захлопнула снаружи своей бескомпромиссностью и гневом (в гневе я до сих пор невыносима и ужасна).

Тогда это усугубилось тем, что непереносимые чувства оставались внутри. Они пытались успокоиться в этом тесном пространстве, но тщетно. Бурление сопровождалось несуразными выбросами в семью, на подружек и тех, кто случайно оказывались рядом.

Было ощущение, что я не могла управлять своим гневом и совершала дурацкие поступки. Могла замкнуться и уйти в себя, зажимая свои и без того неразделенные чувства.

С какого-то момента я начала бесконечно есть.

И вот одной многоснежной зимой я очутилась в просторном зале, по периметру увешанном зеркалами с танцевальными перилами. Помню много женщин, катушечный магнитофон и себя, одиноко сидящую на длинной пустой скамейке у выхода, почти у самой двери. И маму в красивом польском купальнике. Для

занятий аэробикой.

И себя, обреченно идущую за ней.

Туда и обратно.

Всю зиму продолжались эти движения, пока в последней для себя обратной дороге я не услышала разговор мамы с ее подругой (они вместе ходили на аэробику):

– Почему ты дочку с собой берешь? Она стесняется присоединиться к группе? – спросила маму тетя Тамара.

– Да нет. Я ей и не предлагала. Беру потому, что Толя замучил меня своей ревностью, – неожиданно услышала мамино признание.

Мне стало так больно. Я сжалась, остановила в себе гнев и задержала дыхание. Пыталась идти медленнее, но мой слух идеально доносил их бурно мчащийся диалог:

– Так как тебя не ревновать, Людочка? Вон шубку какую купила, ни у кого такой нет. Ты в ней как куколка. Выглядишь шикарно. Наши мужчины в цехе с ума от тебя сходят, – продолжает мамина подруга.

– Тише-тише! Еще услышит… ты ведь знаешь, я глазками только пострелять да Толю подразнить.

…Позже мама не понимала, почему я заболела. Перед занятием по аэробике. Еще пару раз она уходила туда одна, а потом бросила.

И я еще многие годы оставалась буфером, об который по очереди бились то мама, то папа. Мне казалось, они разорвут меня от своего перетягивания. Но и мысли, чтобы выйти из этого, оставив их вдвоем, у меня не возникало.

Поезд.

Мы возвращаемся из белоночного Ленинграда домой. Впервые этим летом 1988 года я услышу Юру Шатунова.

Из ресторанного радио. Качаюсь на верхней полке, снизу Анна, 80 лет. Она не пожилой человек. Не бабуля. У нее есть карманный магнитофон и она слушает заграничные записи. Носит туфли на липках (липучках), очень модные (я бы сама от таких не отказалась). Снабжает меня конфетами и лимонадом, шоколадом и семечками.

Через несколько суток ночью наша станция.

Железорудная. Мы еле успеваем спустить на платформу наши тринадцать сумок, как поезд трогается. И Анна бежит в моей шляпке (которую мама купила для меня в Ленинграде).

Улыбается и машет мне ею. Бирюзово – пудровой, накрахмаленной и имеющей идеальную форму королевской крови. Шляпка возвращается ко мне.

Я надеваю ее и гордо иду, сгибаясь под тонным багажом. Зато королева….

А наутро от сестры я узнала, что Вадик приехал. Дневниковые буквы того времени пестрят подростковыми максимально трагичными фразами:

«… и еще он закурил.

И это самая ужасная новость для меня. Я очень разозлилась и сама подошла к нему. Они с пацанами сидели в швейке (швейная фабрика). Я на ходу позвала его. Он посмотрел на пацанов и пошел ко мне. А во мне просто закипела ненависть. Стоит около меня, молчит и глазами хлопает. Я, вообще, разозлилась, говорю: «И, все-таки, ты идиот». Развернулась и ушла.

И потом иду, и мне его так жалко стало. И стыдно. Что первая написала ему. Первая подошла. У меня слезы на глазах. Что он так слушает своих друзей, что ради них готов на все. Даже курить. Зачем он с ними связался? Надо

вытаскивать его оттуда.

Страдаю. Жду. Верю, что придет.

«Подойти к нему или быть гордой?… Я люблю его и страдаю. Почему он меня не любит? А я люблю его больше жизни. Господи, ну почему он такой красивый??? Все, Вадик у меня последний в жизни. Я больше не буду дружить ни с кем. Я люблю и буду любить только его. Пускай он любит другую, но я не изменю».

…До сих пор бумага хранит размашистым почерком мои подростковые эмоции максималиста. Все или ничего…

А назавтра нам организуют встречу (по моей просьбе).

Он встанет, такой блатной. А я говорю:

«Здравствуй.. вот видишь. Первой пришлось сказать Здравствуй. Мне стыдно и обидно, что первая написала письмо, что первая подошла к тебе, поздоровалась. Ты здесь уже почти неделю»

Он: «Ну раз обидно, зачем говорить?»

Я: «Говорю это, потому что ты мне очень нравишься и я люблю тебя»

Он: «Ясно…..» (я ненавижу это слово до сих пор)

Я: «Зачем ты связался с этой компанией?»

Он: «С какой?»

Я: «С самой обыкновенной»

Он: «Это не компания, а мои друзья»

Я: «Да… друзья тебя хоть чему научат. Уже научили… курить…. материться»

Ухмыльнувшись, он ответил, глядя мне прямо в глаза:

«А я уже умел…. все это делать»

Я: «Ну ты и дурак»

Он: «Ты все сказала? Тогда, пока»

…Меня догнали его друзья. Усадили в центр и провели «свадебную» церемонию, надев кольца (из ромашек). После, мы слушали магнитофон и домой я пришла почти в полночь.

А утром он пришел во двор (в голубой рубашке с белым воротничком, в белых кроссовках и трико, симпотный пацан), позвал меня гулять и притащил бумажный кулек с пряниками. Угощал меня и детвору.

Я вынесла магнитофон и было чертовски весело. А после обеда мы всей толпой утащились на аттракционы. Катались наперегонки по Тоболу на катамаранах. День закончился просто чудесно…

Возвращаясь к той себе сегодня, мне становится грустно, но я улыбаюсь. Мне нужно было это пройти…

9

Наутро я уезду в трудовой лагерь с Надюхой.

«Мы работаем по четыре часа, пропалывая овощные километровые полосы. После ходим купаться на речку.

Познакомились с парнями из села «Красного партизана». Однажды среди смены приехала мама. Привезла ягоды в больших стеклянных банках, лимонад,

печенье, конфеты, кеды и сережки «ежики». (Мое внутреннее зрение и сегодня возвращает мне их обратно: снова цвет пыльных облаков, марсианские шарики с летящими острыми молниями).

Этим летом я заработала первые в своей жизни тридцать рублей. Пять из них я взяла себе, а остальные отдала маме»

А глубокой осенью я столкнулась с детской смертью. Умер племянник (новорожденный сынишка моего двоюродного брата) Это для меня стало непереносимым горем. Просто необъятным.

Я плачу наедине с вечером. У меня истерика. Посреди комнаты стоит кукольный гробик. Меня усаживают рядом на стул. Все сидят возле мертвого мальчика. А я впервые в жизни вижу младенца так близко. Бездыханного малыша семи дней жизни. Ромка.

Он был долгожданным и любимым. Но кто-то из медицинского персонала забыл закрыть форточку после проветривания и два младенца умерли тем вечером. Наш Ромка и чья-то девочка…

Запеленутый туго, в крошечном чепчике, белоснежный ангел. Он такой красивый. Я не могу прийти в себя. Сначала вздрагиваю. После, пускаюсь в рыдания. Плечи ходят ходуном и я не могу впустить в себя воздух. Я помню свою коричневую вязаную кофту с воротником «лодочка». Она до конца сохраняла этот запах смерти. Смерти маленького мальчика.

И я не могла ее носить больше.

После этого трагического события полгода моей жизни стали совсем критическими. Я мало хорошего думала о себе. Мне важно было знать, что у меня скверный характер. Я на всех кричала, перестала быть общительной. Стала дерганой и психованной. Папа называл меня не иначе как «грубиянка»…

С глубокой осени до самого лета я отталкивала своих близких. Мне реально верилось, что я никого не люблю. От этого много плакала и грубила. Перестала общаться со сверстниками и мама стала называть меня «нелюдимая».

Когда в наш дом приходили гости, я садилась за книгу или начинала делать уроки. И не могла ничего поделать с этим убеганием от людей. Если бы тогда, как сейчас, я понимала, что это мое горе побуждает так вести себя, мне было бы легче.

Но в четырнадцать лет я думала, что со мной все плохо и виной тому я сама…

За эти полгода мама уезжала на Урал. Надолго. Болел ее отец. Мой дедушка. Позже, его похоронили.

Ближе к весне я познакомилась на аттракционах с Димкой, его забирали в армию. Он дал номер своего домашнего телефона и я успела поменять его на свой адрес. Позже он написал мне письмо из воинской части. А в апреле я позвонила узнать, что он пишет родителям, но мужской голос глухо сказал: «Дима погиб…»…

Все рушилось тогда в 1989 году…

Но именно в то лето я стала чувствовать себя девушкой. Вытянулась в росте. Округлости стали совсем заметными везде. Моя тетка (жена моего родного дяди) доставала меня своими, сквозь зубы пророненными, фразами:

«Ну и дылда ты выросла, и кто тебя замуж только возьмет? (мой рост был 165) … сисек – то совсем нет, а лифчик не забыла надеть?… Ну и куда такой сарафан. Только задницу прикрывает?»

Мне неприятно, но я долго остаюсь наивной и верю в лучшее и доброе в людях. Потому принимаю на веру все, что говорят о моей внешности. Свой рост я стала складывать как могла. Маленькую грудь прятать свернувшимися сутулыми плечиками. А, чтобы не было видно лифчика, накидывать на себя мужские рубашки.

1

Нам намечалось по пятнадцать и в жизни Надюши появляется маленький Ваня.

Брат. Мама Клава, наконец, успокоилась и вышла замуж за человека, который только вернулся из армии. Несмотря на молодой возраст, Надя звала его «дядьСережа».

Уход за малышом и дальнейшее воспитание легло на плечи моей подруги. Я помогала ей как могла. Она приходила ко мне домой с коляской и падала на кровать без сил, а я нянчилась с Ванечкой. Мы гуляли по летнему городу, сушили ползунки прямо на ручке коляски, учили биологию и собирались в медицинский. Между этими делами болтали о мальчишках.

В это лето Надя влюбилась. Толик пришел из армии. Он жил в соседнем дворе. Мне он запомнился своим теплым юмором, широкой искренней улыбкой и тем, что обращался к своей маме на Вы.

Уже следующим летом нам стало проще.

Ванечке уже год. Мы много времени проводим на пляже большой компанией. Однажды дурачимся и переплываем Тобол. Возвращаясь назад, Надя говорит, что я нравлюсь Андрею, другу Толика. Я сильно испугалась.

Секундное замешательство и чувство, что теряю координацию, словно разучилась плавать.

Помню, как добралась до берега, укуталась в полотенце, дрожа от нервного холода. Надя подошла к Толику. Тот что-то говорит. Улыбается. Андрей садится около меня, а я молнией соскакиваю, хватаю одежду и убегаю вдаль.

Бегу, меня подбрасывает, платье на ходу прилипает, под ногами больно. Останавливаюсь, колючая трава. И слышу свой резкий голос, заряженный нотами несправедливости:

«Дура! Ну и зачем ты мне это сказала?»

Злюсь на Надю…

Этим летом вместо трудового лагеря мы выбрали стройку. Нам нравится в этом новом доме. Стены покрываются однотонной синевой. Так проходит наше лето. И наши очередные подростковые заработки.

Мы продолжаем ходить на Тобол вчетвером. Я молчунья. Хоть и присутствую, но отсутствую. Не выдаю своих чувств совсем. Не смотрю на него. Тайком разглядываю. Мне нравится его внешность. Сама начинаю ловить каждый его взгляд. А потом дома мечтать о нем. Это вводит в еще большую тоску и я отказываюсь ходить на речку. Вместо этого, реву дома в полном одиночестве.

Вскоре узнала, что Андрей спит с замужней соседкой Нади. Это становится трагедией для меня.

А через пару месяцев он женился на молоденькой Кларе и тут же родился его первый малыш. На сегодня он женат уже шестой раз и выросших детей у него по миру великое множество.. Но это сейчас я с улыбкой вспоминаю о своем неудачном знакомстве со взрослым парнем. А тогда мне было больно. Я сделала вывод, что всем парням нужна только женская плоть и возненавидела их за это…

Образ Вадима для меня как спасительный круг в бескрайнем водном пространстве. Я могу любить его. И это помогает отодвинуть максимально далеко всех претендующих на мое тело парней.

В этот период меланхолией пропитаны буквы моих личных записей:

«Я снова молчаливая, грустная и хмурая. И именно в такие моменты мне больше всего нужен другой человек. Хочу Друга и много цветов… И я с улыбкой мечтаю об этом. Вадим приедет и между нами будет особенная романтика».

Но и этим летом не случилось. Он приехал и параллельные пути не пересеклись. И снова с его отъездом во мне остается вера в то, что вот в следующий раз… обязательно. И цветы. И романтика. И Друг… надо только подождать…

2

Мы собираемся на школьную дискотеку.

Мальчишки входят в квартиру ровно в тот момент, когда я держу утюг. Стоя перед своим нарядом. Один из них мастер оказываться рядом со мной в те моменты, когда я что-то делаю. В этот раз он молча перекладывает утюг из моей руки в свою и начинает утюжить каждую складочку воланов на кофточке, в которой я собираюсь пойти.

Мне чудно, потому встаю вкопанной ланью перед ним.

Это завораживает. Парень. Гладит. Мою кофточку. Гладит так, словно там я, а не кусок тонкого ситца.

…Но объятия в ту пору мне только снились. Впрочем, как и ответные ласки. Потому, я выхватываю кофту из-под его сильных пальцев и скрываюсь за поворотом между кухней и комнатой.

В это время с моими знакомыми девочками начали происходить загадочные и пугающие меня истории.

Юльку – одноклассницу имеют /очень популярное слово того времени. Означает «делать любовь, сексуальный контакт»/ кавказцы, которые арендуют кафе на Парковой. Она рассказывает об этом на перемене, как в перерыв закрывается дверь кафе и ее имеют по очереди на обеденном столе.

Маринка поделилась, что спала днем у себя дома. Это одноэтажный барак. Окно открыто. Залез какой-то парень и отымел ее. Так же вылез в окно.

Надя потихонечку, чтоб никто в автобусе не услышал, поведала, как смотрела дома порно, где показывали негров. Как она увидела огромные члены и как они достают до женского горла.

Светка выдала, что ее отымел Юрка, с которым она подружилась в фазанке. Как потом сломал ей челюсть, чтобы она никому не проболталась.

А я включаю домашний проигрыватель, ставлю пластинку «стоп – стоп – стоп музыка» и плачу от переполняющих меня чувств.

Как же страшно взрослеть. Как затормозить себя в детстве? Я так не хочу, чтобы со мной делали то, о чем говорят подруги.

Любовь – что может быть прекраснее?

3

Вахтеры.

Помните, это мама так придумала их называть. Мальчишки. Они продолжают атаковать мой подъезд. И я выхожу к ним. Мы болтаем по несколько часов. Один из них мой новый одноклассник. Витька. Именно его образ вытеснит образ Вадима.

И я уже не могу спокойно жить, если не увижу его в школе. Что со мной? Я увлечена, но его любят все. Иду против своей воли. Знаю, что вокруг него вьются девочки. Что он бабник. Но влечет. Влечет мысль о том, что со мной он должен стать нормальным. И остановиться.

В школе он почему-то не смотрит на меня, не подходит. Более, обходит меня стороной. Разговаривает со всеми девочками в классе, а со мной – нет.
Но каждый вечер в моем подъезде среди других мальчишек он принимает активное участие в наших диалогах.

Это я сегодня понимаю, что мне необходимо было влюбиться в этого мальчика. В самого недоступного и «максимально оторванного от моего идеала» мальчика. Чтобы страдать, быть верной. Чтобы снова был надежный аргумент: «Я уже люблю. Нужно только подождать. И он будет со мной»…

Аргумент, в котором я нуждалась. Долгие годы после. Который стал моим домиком, в котором я пряталась от одиночества и боязни реальных отношений. Реальной дружбы, романтики, флирта и секса…

А пока редкая возможность дотронуться до мечты.

Новый год с Витей. Он пришел в нашу подростковую компанию в 0.35. Моя рука в его руке. Мы сидим рядом на одном диване. Плечи касаются друг друга. Он такой хороший. Я готова летать от счастья. Он рядом.

А, после, мы отправляемся гулять. Проходя мимо его дома, он растворяется в темном пространстве. Возвращается, удерживая в руке огромное зеленое яблоко. Вручает его мне.

Я помню почему-то именно восхищенно-удивленные взгляды наших ребят и девчат из компании. Они были молчаливыми, но такими говорящими. И мне стало почему-то так неловко за то, что я оказалась в центре внимания как девушка своего парня.

Этими редкими встречами я проживу выпускные два года школьной жизни…

4

Знаковым человеком для меня становится Андрюша Князь. Новенький мальчик нашего десятого.

Когда он отвечает у доски, в голове сразу слышится музыка. Потому что все его тело приходит в движение. Еще юный грудной голос. Исходящий звук бьется о заслонку в горле, добавляя особого романтизма в образ. Темные волосы на прямой пробор.

На сегодня я совсем забыла, как мы подружились.

Зато хорошо помню, как болтали между уроками на свободном подоконнике между этажами, подкладывая портфели за спины. Как провожал до дома (пять

минут до него) и как шел к своей остановке (жил в пригороде). Как доезжал и звонил.

И я уже сидела в ожидании. Телефон в квартире моего дяди, поэтому я часами зависала там.

О чем мы болтали?

Обо всем. Время становилось таким не главным. Только вечерний звук ключей в дверном замке сообщал о приходе старших с работы, и я испуганно роняла трубку. И убегала к себе домой.

А наутро все начиналось вновь.

Надюха очень ревновала меня к Андрюше (она до сих пор ревнует). Злилась на меня. Осуждала, что я выбрала неправильного мальчика для дружбы, с которым не случится любовь. Что мы тратим время в этих отношениях.

А я (честно) не понимала ее, зачем любовь, когда нам так хорошо с ним вместе. Болтать, гулять, смеяться, смотреть фильмы в кинотеатре, кататься на аттракционах, плавать в Тоболе. Катамараны. Помню как сейчас.

Андрюша пришел из армии. И начались наши прогулки длиною в лето.

Да, мы долго дружили. Пока он был в армии, я за ним: в Алма-Ату, Краснодар, Новокузнецк. Через письма. И он взаимно жадно писал мне.

Разве могло что-нибудь лучшее случиться между нами, чем то, что случилось?

5

На зимние каникулы мы отправились в Челябинск.

База отдыха и наш бурный класс. Ночь выдалась дикая. В самый глубокий сон включился свет, и в нашей девчачьей комнате закричали учителя.

У нашей классной случилась истерика. Я не понимала, что происходит, мне так хотелось спать. Натягивала одеяло на себя, укрываясь с головой. Но Надюха упрямо тормошила меня, виновато косившись в пол. Избегая взгляда Гали Палны.

Наутро я узнала, что пацаны ночью выстроились в очередь за минетом к Наташке. Она делала это в туалете. Среди них был и мой «герой Витя».

Не могу сказать, что я расстроилась. Скорее, подтвердила свои мысли о том, что я правильно берегу себя. И не подпускаю к себе мальчиков.

По приезду домой увидела несколько полученных писем. Это самое приятное, что могло меня ждать. Потому тяну удовольствие и к изучению содержимого приступаю не сразу.

Сначала съедаю торт, купленный мамой. Она всегда так делает, когда встречает меня из поездки. Снова «Ландыш». Мой любимый. Песочный с яблочным повидлом, залитый горьким шоколадом с веточкой нарисованного ландыша сверху. Я запиваю его всегда томатным соком.

После, жадно вскрываю конверт, исписанный незнакомым почерком:

«Здравствуйте, Лика.

Вы, наверное, удивлены, кто это пишет Вам и откуда этот человек Вас знает. Согласитесь, не обязательно знать человека в лицо, чтобы общаться. Мне рассказали о Вас в хорошую сторону и это дает мне храбрости писать Вам.

Мне 23 года, я живу в Сухуми…

С уважением к Вам, Гия»

И мне так хорошо стало. И история с Витькой отлетела в пропасть за моей спиной. Открывая дневник того периода, читаю:

«Сегодня солнечный теплый день. Я уже почти смирилась с тем, что модных штанишек у меня не будет (мама заказала джинсы – «варенки», но их не смогли достать).

Успокаиваюсь чаем с чабрецом и почти не плачу с утра. Несмотря на свободную квартиру (все домашние разошлись по своим делам), располагаюсь в своей комнате и закрываю дверь. (Эта моя привычка остается и сегодня).

Вечером обязательно полумрак, мягкий свет от торшера в углу комнаты прямо на полу… и тишина, от которой становится еще теплее. Тишина в одиночестве обволакивает каким-то особенным уютом и добавляет уверенности в мои действия.

Я читаю «Королек-птичка певчая» и настолько погружаюсь в книгу, что не сразу слышу звук открываемой двери. До моего слуха доходит, что это отец. Пьяный отец…. Всё моё рушится в один миг. Я застреваю в страницах турецкого сюжета и боюсь пошевелиться. Мне хочется спрятаться от того, что я наперед знаю.

Без стука распахивается моя дверь и пружинистой неровной походкой он подходит ко мне. Я спрыгиваю с подоконника и встаю возле. Это отработанное действие. Точно знаю, что ему нужна поддержка сейчас. Так всегда. Он обеими руками обнимает меня и свисает всем своим хмельным весом на мои плечи. Тяжело. Трудно держать. Я стою и думаю, чтобы не вдохнуть этот запах.

Запах выдавленного гнойника с кровью. Он перемешивается с любимым и родным потом папы. И у меня такой сложный выбор сейчас: сбросить эту пьяную тушу со своих плеч или принять его таким, какой он есть. Каким его не принимает в этой жизни никто, кроме меня. И, в подтверждение моих мыслей, до моего правого уха доносится слабое:

– Доченька Моя… Любимая Моя… только ты одна меня понимаешь…

Меня начинает подташнивать, я еле сдерживаюсь, а он продолжает свой монолог:

– Никому я не нужен…. все от меня отвернулись…

Я точно знаю, что это минимум на час. И точно знаю, что меня сейчас вырвет. Я стремительно отбрасываю его от себя и он летит неожиданной походкой назад с нервно-паралитическим ревом:

– Дикарка! Дикарка! Такая же как мать! Сука гребаная, тварь!

Я бегу в ванную комнату и закрываюсь там. Оглядываюсь и включаю кран. Холодной воды, срочно…. Смотрю на свое отражение в зеркале и не понимаю, что это я.

На меня смотрит испуганный ребенок с лицом зеленого цвета. Глаза бегают в реактивном поиске выхода, дыхание прерывистое и одна рука ловит вторую…. лёд. Летом.

Летом лёд…. так бывает…..

Губы начинают трястись в нервном припадке. Я всматриваюсь в свои глаза и начинаю следить за движением ручейков. Это успокаивает меня. Мне интересно наблюдать, как по-разному они выходят из глаз. Левый сговорчивее и отдает поток почти сразу. В правом пока плотина. Но и там скоро прорывает.

В этом освобождении я вслушиваюсь в звуки извне. Тишина….. снова тишина.

Решаюсь медленно, но осторожно, открыть дверь и вижу впереди спящую, уткнувшуюся в ковер, фигуру отца. Спит.

Бежать. Это моя первая мысль. Бежать из собственного дома, чтобы освободить себя из эмоционального плена. Вылетаю по ступенькам подъезда вниз с четвертого этажа и останавливаюсь у почтовых ящиков. Есть! Письмо в цветном конверте:

«Здравствуйте, Лика.

В первых строках своего письма я хотел бы поблагодарить Вас за столь скорый ответ.

По вашей просьбе расскажу о себе. Я живу с мамой и папой, и младшим братом. Он еще учится в десятом классе. У меня была девушка, но она вышла замуж за другого человека. По своим причинам.

Ваше письмо я боялся прочитать, но потом решился. Вы спросили меня про гороскоп. Я родился в 1968 году, в год обезьяны 15 декабря. Сейчас в нашем современном мире появилось так много гороскопов. Вы в какой больше верите: в индийский, китайский или японский?

Признаться, я вовсе в них не верю.

Целую как родную сестренку, Гия»

6

На восьмое марта у нас традиция: мы собираемся у меня. Непременно печем два торта и уходим с ними к Надюхе домой.

Там устраиваем праздник. Эта дата становилась сигналом к тому, чтобы тайком от мам снять шапки и сбежать на улицу в капроновых колготках.

Мы надевали то, что наши мамы успевали достать в магазине. Моей удавалось больше и она знала, что покупать лучше две пары: для меня и для моей подруги.

Так получилось, что в этот праздничный день на нас были одинаковые черные ажурные колготки с бабочками по всей длине ножек. Это смотрелось очень нарядно и красиво. Мы смеялись каждому знаку внимания и прыскали довольно вслед, ускоряя шаг. Иногда переходили на бег.

Но далеко и долго бежать не выходило, в руках мы держали собственные произведения искусства: торты. Мы пекли «Дамские пальчики» и «Графские развалины». Оба рецепта вовсе не простые. Даже опытным кулинарам они не всегда удавались, но наш девичий запал и подростковая рисковость здорово помогала в творчестве.

Я обожала создавать «Дамские пальчики». Нужно приготовить холщовый кулек, сварить заварное тесто и выдавливать его через дырочку ровными полосками одинаковой длины на противень.

Полоски слегка схватывались воздухом и покрывались тончайшей пленочкой, не соприкасаясь друг с другом. Тогда их нужно высаживать в горячую духовку.

Пока они выпекались, я взбивала крем. Отстоявшаяся сметана (еще один холщовый мешочек пару часов болтался над раковиной, чтобы из сметаны вытекла лишняя жидкость) с сахаром. Миксер был ручной и крутить шарманку полчаса – так себе перспектива.

На этот случай рядом с нами всегда оказывался кто-нибудь из мальчишек – одноклассников. Они с радостью помогали нам и верили (наивные), что мешать крем нужно в полном молчании, иначе он не загустеет. Кто из нас с Надюхой придумал эту легенду, сейчас уже и не вспомнить, но на это время становилось тихо. Немой шарманщик сидел в уголочке и делал свою работу. Мы чирикали, как птички. Радовались весне и солнышку, теплым лучам и празднику, пробуждающейся романтике в душе.

Расцветала природа и мы вместе с ней.

Надюха любила кромсать выпеченные коржи для «Графских развалин». Затем, обмакивать каждый кусочек в приготовленный крем и раскидывать их по красивой фарфоровой тарелке.

Из сервиза. Мы привезли его с мамой из Ленинграда. Японский. Фарфор просвечивает и подтверждает свое высокое качество. Чай в этих чашках другого привкуса. Привкуса горячего фарфора с обжигающим прозрачным солнцем

7

С пьяным присутствием отца в доме снова поселяется кошмар.

Это моральное уничтожение. Ненавижу эти хмурые дни. Дни моего существования на одной территории с убивающим во мне личность существом.

Снова спасают строчки. Письмо из Сухуми:

«Здравствуйте, Лика.

Не ожидал в Вашем возрасте такой эрудированности. У вас очень широкие познания во многих жизненных вещах. Это меня сильно удивляет.

После вашего рассказа о гороскопах у меня было ощущение, что я попал на лекцию. Правда, я до конца не понял, а какую цель Вы преследовали, ведя такую просветительскую работу для меня?

Я думал, что мы друзья. И тогда мы должны писать другие письма, в которых обмениваются новостями, делятся впечатлениями.

А с Вашими текстами мне впору брать энциклопедический словарь

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/konkevich_lika/dikarka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить